

ЭТИКО-ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО ТВОРЧЕСТВА МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1920 - 1930-Х ГОДОВ

Современное литературоведение все определеннее рассматривает М.Цветаеву как "поэта с чувством истории" (высказывание самой Цветаевой). Но доминирующий в цветаеведении биографический подход ощутим и в первых попытках периодизации ее творчества: дореволюционная Цветаева - Цветаева эмиграции, Цветаева 1910-х годов, Цветаева 1920-х годов, Цветаева 1930-х годов.

Правомерность выделения периода второй половины 1920 - 1930-х годов как особого в творчестве Цветаевой обусловлена, на наш взгляд, комплексом разнородных факторов мировоззренческого, художественно-содержательного, художественно-формального, биографического и рецепционного характера. Так, этот период отмечен особым знаком, знаком добровольного ухода из жизни, и воспринимается как не только завершающий, но и как завершательный.

Исследуемый период отличает не присущая в такой степени ранее творчеству поэта жанровая и родовая пестрота: лирическое стихотворение, поэма, стихотворный цикл, проза, трактат об искусстве и т.д. Но жанровое разнообразие только подчеркивает сущностное единство художественного мира Цветаевой периода второй половины 20-х - 30-е годы.

Для самой Цветаевой все произведения этого времени оказываются рожденными в "обстановке принципиального звукового одиночества", и биографическая граница между эмиграцией и возвращением в Россию иллюзорна. Отношения поэта и мира не зависят от географии, и формула Цветаевой - "здесь я не нужна, там я не возможна" - амбивалентна. Возникшая в творчестве Цветаевой ситуация сравнима с принципиальной неконвенциональностью "Воронежских тетрадей" О.Мандельштама или ахматовской невозможностью зафиксировать свои стихотворные строки на бумаге.

Экзистенциальное одиночество поэта смещает акценты в традиционной для Цветаевой дихотомии *поэзия - жизнь, слово поэзии - слово жизни*. Формально это проявилось в утверждении жанра цикла в жанр доминирующий как в поэ-

зии, так и в прозе. Во-первых, потому что для поэта стихотворный язык обладает истинным, сакральным смыслом. Во-вторых, именно в стихотворных циклах этого периода сливаются две ранее разведенные для Цветаевой ветви языка, а значит, и миропонимания - лирическая и эпическая, если последнее понимать как ситуативное, современное, хронологическое, историческое.

В конфликте *поэт и мир*, ранее воспринимающемся и разрешающемся прежде всего эстетически, определяющим становится прежде всего этическое ядро. От первых же стихотворных циклов этого периода - циклов о Поэзии и Поэте ("Маяковскому", "Стихи к Пушкину", "Здесь - Высота", "Стол"), - как круги от брошенного в воду камня, вырастают циклы, ставящие проблему самоопределения человека в мире ("Куст", "Стихи к сыну", "Отцам") и проблему преодоления экзистенциального одиночества ("Стихи сироте", "Надгробие"). Во второй половине 30-х годов *все-человечность* и *все-охватность* поднятых в циклах проблем требуют от Цветаевой столь же *все-охватного* ответа о месте поэтического в человеческом бытии.

Языковая ткань поздних циклов отражает наиболее очевидно тенденцию обобщения, поиска общих корней. Так, в "Стихах к Чехии" (воспринимаемых цветаеведами как неожиданность) естествен отказ от жанров высокой поэзии и открытое следование фольклорным жанром, логично стремление к слиянию своего языка с языком вообще. В этот период к Цветаевой приходит осознание себя Человеком, который "на труп и призрак не делим", Человеком, который обрел свою нишу, определяемую Цветаевой одним словом - НАРОД.

Поздняя Цветаева осуществила прорыв из бездны мира в создание автономного, не зависящего от перипетий истории человеческого пространства.

В.В.Блажес

ФОЛЬКЛОРИЗМ "СКАЗАНИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЕРМАКА"

О принадлежности "Сказания" к демократической литературе XVII века писали А.А.Введенский, Ю.В.Фоменко и др. Оно вошло в "Сказание Сибирской земли" (текст XVIII